

РОДИЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ОСЕТИН В ЗАРИСОВКАХ М. С. ТУГАНОВА

Б. А. Битиев

В традициях любого народа особое место занимают обряды, связанные с рождением ребенка. Высокая женская и особенно детская смертность у многих народов мира предопределили формирование комплекса родильных обрядов, основанных на древних религиозных представлениях и предохранительной магии. Рассматриваемый цикл обрядности обстоятельно описан у осетин, с привлечением архаичного полевого материала, который успели зафиксировать исследователи 1950-1960 гг. Однако реконструкция родильной обрядности, ее глубокий анализ требуют привлечения дополнительных источников. В настоящей статье ставится задача рассмотрения родильной обрядности осетин с применением метода визуальной антропологии. Визуальные свидетельства дают яркое представление о традиционном аспекте жизни народов, открывают новые пути к пониманию прошлого, обогащая способы анализа данных. В качестве визуального источника, как правило, используются фотографии, фото и киносъемки. Мы предлагаем рассмотреть информационные возможности зарисовок и графических рисунков как визуального этнографического источника. Зарисовка как документ, зафиксированный текст, который создавался в реальности и повествует о ней, требует прочтения символов и знаков, сублимирующих в себе информацию. В статье предпринимается попытка исследования комплекса родильных обрядов осетин через призму этнографических зарисовок Махарбека Сафаровича Туганова – первого профессионального осетинского художника, основоположника реалистического направления в изобразительном искусстве осетин. Созданные им в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. зарисовки «Роды в хлеву» и «Торжественный ввод невесты с новорожденным из хлева в хæдзар» рассматриваются в контексте обрядности детского (родильного) цикла осетин. Зафиксированные художником детали, их корреляция с полевыми и письменными этнографическими источниками существенно дополняют имеющиеся представления о родильной обрядности. Отдельные черты зарисовок, которые пока не удается «прочитать», стимулируют дальнейший научный поиск, формируют новые вопросы к информантам и подтверждают возможность использования зарисовки как этнографического источника.

Ключевые слова: визуальная антропология, Махарбек Туганов, этнографические зарисовки, графический рисунок, родильная обрядность.

Родильные обряды сложно отнести к неизученным вопросам этнологии осетин. Различные аспекты проблемы в той или иной степени затрагивали этнографы Е. Г. Пчелина, Т. З. Бесаева, Л. А. Чибиров, А. Х. Магомедов [1; 2; 3; 4]. Указанные авторы привлекли интересный, во многом глубоко архаичный полевой материал, успели его зафиксировать и достаточно подробно описать. Однако для интерпретации и глубокого анализа комплекса родильных обрядов имеющиеся описания представ-

ляются недостаточными. Необходимо привлечение новых источников, и в этой связи представляется оправданным обращение к визуальным материалам.

В частности, мы рассматриваем зарисовки Махарбека Сафаровича Туганова (1881—1952) – народного художника Осетии, автора многочисленных картин на исторические темы, иллюстратора осетинского нартовского эпоса, публициста, собирателя осетинского фольклора. Будучи представителем традиционной культуры

осетин, с одной стороны, и обладателем европейского образования, основоположником реалистического искусства осетин – с другой, Туганов понимал важность «исторической» достоверности, поэтому тщательно собирал полевой материал в горах Осетии, изучал научную литературу и письменные источники, осетинское народное прикладное искусство. На своих полотнах художник старался максимально приблизиться к реальной культурной среде, соответствующей определенной эпохе. Поэтому нам представляется интересным обращение к зарисовкам Туганова как к материалу социокультурного анализа.

Созданные М. Тугановым в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. зарисовки «Роды в хлеву» и «Торжественный ввод невесты с новорожденным из хлева в хæдзар» рассматриваются в контексте обрядности детского (родильного) цикла осетин.

Охранительная магия, направленная на успешное деторождение, начиналась уже во время свадебного пиршества, в ходе которого специальные молитвословия посвящались пожеланиям плодородия. На третий день после свадебного пиршества новобрачную вели к святилищу *Мады Майрам*, находившемуся вблизи каждого селения. Мады Майрам – один из наиболее почитаемых ангелов в пантеоне осетин, Богоматерь, покровительница чадородия и супружеского благополучия [5, 337]. Новобрачная шла в свадебном наряде, но без фаты; ее сопровождали шафер, женщины и дети – новые родственники. Впереди процессии бежали мальчики, камнями и пулями отгонявшие «злые силы», которые могли навредить невесте в такой важный момент ее жизни.

Одна из почтенных пожилых женщин несла три пирога, одна из девушек – кувшин с пивом или аракой. Процессия сопровождалась игрой на гармонике. У святилища шафер начинал импровизированную молитву Мады Майрам, в которой просил для невестки благословения в браке и зачатия ею мальчика. По окончании молитвы

шафер разламывал пироги на части, передавал кусок пирога и рог с аракой младшему из фамилии новобрачного. Юноша откусывал от пирога, отпивал глоток напитка и затем начинал угощать всех присутствующих по старшинству лет, а также всех случайных прохожих. Из принесенного с собой съестного ничего нельзя было возвращать в дом.

После совершения моления в честь Мады Майрам все члены семьи, а также члены фамилии новобрачных с нетерпением ожидали, когда у невесты появятся признаки беременности. Однако суеверие не позволяло громкого обсуждения ситуации, а традиция предписывала нарочитое к ней «невнимание».

Забеременев, женщина начинала гадать с целью определения пола ребенка. Каждая женщина мечтала о сыне, который принес не только радость и гордость, но и значительное повышение ее семейного и социального статуса. Для гадания она брала квасцы и укладывала их в огонь очага. По поверью, если сплав получался с выпуклинками, то родится мальчик, а если с вмятиной – девочка. Е. Г. Пчелина указывала, что мужчины также имели свои способы гадания. Во главе с хистаром (*хистæр* – глава семьи), зарезав при случае барана или козла, брали лопатку животного и рассматривали ее на свет: по цвету, степени окостенения и по надлопаточному бугру судили о поле будущего ребенка. Для того чтобы гадание вышло «правильным», лопатку запрещалось трогать ножом (во время и после варки) и обгрызать зубами. Разрешалось очистить кость только руками [1, 86-88].

О появлении первых признаков беременности молодая сообщала старшей в семье невестке *файнуст* или золовке *ходыгъд*. Заявить об этом самой свекрови считалось верхом неприличия. Вскоре эта новость распространялась в семье, и все ее члены с нетерпением ожидали рождения ребенка, разумеется, мальчика.

Внешнее проявление беременности скрывалось. Невестка старалась носить бо-

лее широкую одежду, поверх платья надевать свободно повязанный фартук. По мере увеличения срока беременности будущая мать старалась строже соблюдать обычаи избегания *уайсадын*. Она не показывалась на глаза старшим мужчинам, а если нельзя было пройти мимо них незаметной, надвигала платок низко на лоб, и укутывалась шалью. Беременная избегала появления в общественных местах, на свадьбах, похоронах, если в этом не было особой необходимости.

В период беременности женщина не освобождалась от своих домашних обязанностей. Считалось, если женщина много работает, то ребенок лучше развивается, больше шевелится, и это в конечном итоге способствует более легким родам. Пищевых запретов для беременных не было, отдельной пищи для них не готовили. В отличие от некоторых народов, осетины считали беременную «чистой», она имела право прикосновения к питьевой воде, приготовлению хлеба и пищи, посещению мельницы.

О беременной у осетин до сих пор говорят: *«йæ уд йæхи бар нæу»*, т.е. «душа ее не принадлежит ей самой». Считали, что она может испугаться звука собственных шагов, своей тени, и это все может навредить ребенку еще до его рождения, в утробе матери. При ней в качестве оберега должен был находиться маленький ножик – *хæрынкъа* [2, 209-210].

Когда ребенок находился еще в чреве, мать уже могла знать, на кого он будет похож: на того, в присутствии которого он сделал первое движение. При родах в изголовье роженицы клали нож, чесалку или иглы, чтобы оградить ее от нечистой силы: считалось, что нечисть боится острых железных предметов. Женщины приходили не только для оказания помощи роженице, но и для того, чтобы отпугнуть злые силы, которые могут забрать ее и новорожденного в Страну мертвых. К роженице не допускались женщины с дурным глазом, подозреваемые в связях с нечистой силой. Чтобы защитить роженицу, около нее вешали огнестрельное

и холодное оружие, шумели, резали курицу и поливали ложе кровью [6, 81].

Чтобы облегчить роды, роженице давали дуть в отверстие шпильки от веретена, а за отсутствием последнего вкладывали ей в рот ее же волосы. У осетин практиковался обряд развязывания узлов. На белой нитке, длиною в рост роженицы, завязывалось несколько узлов. В момент наступления родовых схваток их начинали развязывать, приговаривая: «Роди так же легко, как легко мы распутываем узлы» [7, 289].

По традиции, роды проходили в хлеву. Как пишет в своем этнографическом очерке «Особа» К.Л. Хетагуров, «объясняется это тем, что не было другого более удобного, изолированного помещения для этого величайшего акта природы. За несколько недель до родов женщина, хотя и не всегда, освобождается от тяжелых работ, а в период ожидания совершенно отделяется от семьи. В наиболее уютном и чистом хлеве разводится огонь и делаются необходимые приготовления» [8, 28].

Кроме описанных выше практик в момент деторождения прибегали и к другим распространенным приемам имитативной магии: рвали одежду («с такой же легкостью, как рвется рубашка, да родится ребенок»). Входящие к роженице должны были потрясти подол своего фартука или юбки («чтобы родила так же легко, как легко оттряхивается подол»), оторвать кусок одежды («чтобы родила так же легко, с какой отрывается ткань»). Входящая женщина, притоптывая чувяками, приговаривала: «Как легко притоптываю чувяками, с такой же легкостью роди». При особо трудных случаях, когда вышеперечисленные «процедуры» не помогали, прибегали к другим способам «родовспоможения»: роженице давали выпить воды из обуви мужа, или муж должен был перешагнуть через жену. К роженице не подпускали беременных женщин, считая, что родовые муки обеих женщин выпадут на долю одной из них. Во избежание телесных изъянов у ребенка роженица старалась не замечать людей с

непривлекательной или уродливой внешностью.

Чтобы в семье рождались мальчики, а скот давал приплод женского пола, проводили следующий магический обряд. В сопровождении снохи роженица шла в хлев, брала кусок белой материи, опоясывала себя три раза, затем шла к корове, которая должна была отелиться, и этим же куском материи опоясывала корову так, чтобы кусок этой белой материи не сошелся на корове концами. Затем этим отрезом она ударяла корову, приговаривая: «Чтоб девочки мои были бы твоими, а твои мальчики – моими». Вслед за этим роженица брала в руки черную курицу и обводила ею вокруг своего живота три раза со словами: «Чтоб сын мой был жив, чтоб она (курица) погибла вместо него». Затем курицу выпускали на свободу, кормили и, когда рождался мальчик, резали, а ее кровью обливали новорожденного. Зарывая курицу в огороде, осетины верили в то, что они отправляют ее в Страну мертвых вместо сына [3, 219-220].

У осетин при родах присутствовали во главе с повивальной бабкой *дасны* и несколько близких женщин; ни один мужчина не имел право войти в хлев. Муж роженицы вообще уходил из дома во время родов; мать и свекровь роженицы никогда не присутствовали при родах.

На зарисовке М. Туганова «Роды в хлеву» (рис. 1) изображена ситуация после родов. Отдыхающую женщину окружают близкие родственницы и соседки. Столик-треножник с тремя пирогами символизирует первую после родов благодарственную молитву. Старшие женщины изображены свободными и уверенными, младшая скромно стоит в их присутствии. С фотографической точностью зарисованы возрастные особенности повязки головных уборов, каменные стены хлева с оконным отверстием, сплетенное из прутьев ложе, люлька со всеми атрибутами, кувшин и таз, свидетельствующие о завершении процедуры омовения. Рядом с детской кроватью – острый предмет на полу как показатель ох-

ранительной магии. Женщина после родов пребывала в хлеву в течение трех дней, и в эти три дня за скотиной, изображенной на заднем плане зарисовки, ухаживали только женщины: несмотря на то, что это было мужским занятием, в эти дни мужчинам вход в хлев был запрещен.

Рис. 1. М. С. Туганов. Роды в хлеву

На зарисовке «Роды в хлеву» привлекают внимание две женщины в центре, что-то демонстрирующие руками, и третья фигура женщины, внимательно наблюдающей за их действиями. Очевидно, что автор зарисовки сделал акцент на этом, не отраженном в имеющихся этнографических исследованиях, действе. Информанты в Северной Осетии также не смогли «прочитать» его, среди них были предположившие вариант гадания на руках, но никогда не слышавшие о таком обряде. Учитывая, что Махарбек Туганов жил и в Южной Осетии, можно предположить, что это действие он зафиксировал в родильной обрядности южных осетин, в среде которых и будут продолжены поиски информантов, способных выявить обряд, оставшийся за пределами исследовательского внимания.

Весть о рождении сына вызывала в осетинской семье огромную радость. Со всех сторон являлись с поздравлениями родственники, соседи, знакомые. Мальчики-подростки иногда целые ночи простаивали у дверей хлева, чтобы перехватить весть о рождении мальчика, поспешить явиться с нею первым к ближайшим родственникам и получить за это ценный подарок – *харзаггураггаг*. Осетинская семья

видела в сыне наследника, продолжателя своей фамилии, будущего воина и работника, а также будущего главы семьи.

Иначе обстояло дело с рождением девочки. Весть о рождении девочки приносила в семью не радость, а огорчение. Считалось необязательным даже распространять слух о рождении младенца женского пола [9, 73-75]. В старину отмечены и случаи умерщвления первенца-девочки. Были случаи, когда отец родившейся девочки уходил из дома и не возвращался несколько недель, тем самым показывая свое недовольство женой. Иногда девочку нарекали именем «Налкудина», «Налкутта», что означало «ненужная», «нежеланная».

Подобное отношение к рождению девочки в осетинской семье сохранялось достаточно долго. Так, рождение пятой подряд дочери в семье дедушки автора настоящей статьи привело к огорчению членов семьи. По воспоминаниям старших, все в доме плакали, а дед некоторое время не разговаривал с бабушкой. Следующим ребенком в семье деда был долгожданный сын [10].

До сих пор сохраняется обычай *хæрзаггураггаг*. Так, рождение сына в семье дяди автора статьи было воспринято с большой радостью. Сообщившему эту радостную весть все пять сестер дяди подарили по ценному подарку [10].

Ребенка сразу же после рождения купали в теплой воде, налитой в таз (деревянный или медный). Сюда же клали ножницы как оберег, предохраняющий ребенка от действия нечистых сил. После купания ему перевязывали пупок волосами матери, а пуповину отрезали. Все время (неделю или полторы), пока не отпадал пупок, его смазывали коровьим маслом. Затем новорожденного передавали через отверстие чесалки для шерсти, чтобы «обезопасить от козней чертей»: новорожденный просовывался в чесалку головой вперед, а одна из женщин за плечики вытягивала его и передавала матери.

Искупав ребенка, на него надевали рубашку из какой-нибудь мягкой материи,

заворачивали в пеленки, голову стягивали чистой тканью (платком) и клали у ног матери. Тотчас при рождении младенца его кормила грудью какая-нибудь другая женщина, так как считалось, что молоко матери еще не годится для кормления ребенка.

После этого роженицу переводили в *хæдзар* – центральное помещение в доме, где располагается очаг, или *уат* – спальная комната, и укладывали в углу у входа. Там она лежала до полного выздоровления [4, 367].

На зарисовке «Торжественный ввод невесты с новорожденным из хлева в хæдзар» запечатлен обряд ввода молодой матери из хлева в дом, мало известный в литературе, не сохранившийся в памяти информантов. На зарисовке Туганова он изображен в мельчайших подробностях. Как видно, в обряде принимали участие только женщины, допущены были лишь два маленьких мальчика. С левой стороны группа участниц более молодого возраста сопровождает невестку с ребенком, другая встречает их с тремя пирогами в *хæдзаре* во главе со свекровью. Распознать последнюю легко по близости нахождения к столу-треножнику, по широким радушным жестам рук и наличию только одного, внутреннего (домашнего) платка *мидаг*, что отличало ее от других женщин-гостей, повязанных двумя платками.

Ключевым предметом обряда, очевидно, была люлька *авдан*, которую заносили в дом вместе с ребенком.

После ввода молодой матери с младенцем в дом старшая женщина произносила молитву, благодарила в своем молитвословии Мады Майрам за рождение ребенка, и просила благословения для него. Затем начиналось небольшое пиршество.

Роженицу (*æвгъæды бадаг*) проводы вали ближайшие родственницы и соседки. Посещения сопровождалось традиционными обрядовыми подношениями *хуын*, состоящими из пищевых и вещевых даров. Среди последних преобладали железные предметы, чаще всего – пуля либо серебряная монета; также было принято дарить

яйцо и вату. Каждый из названных предметов символизировал пожелания ребенку: железо означало стойкость и мужество, себре – богатство, яйцо – плодородие, вата – легкий жизненный путь.

Рис. 2. М. С. Туганов. Торжественный ввод невесты с новорожденным из хлева в хадзар

Через несколько дней после родов, когда женщина поправлялась, совершался обряд поклонения святилищу. Посещение святилища преследовало цель поблагодарить патрона чадородия за добрый подарок и «передать» *бафаззахсын* новорожденного на попечение этого святого. Женщины, сопровождавшие родившую, приносили с собой три обрядовых пирога – *чьири*, чашу браги – *бырагъ* или молока – *ахсыр* и блюдо с обрядовым кушаньем, приготовленным из смеси отварных зерен злаковых и бобовых, – *дзærна*. Помимо съестных подношений полагалось прихватить вату, яйцо, железные вещи. У святилища Мады Майрам повивальная бабка брала из рук молодой матери принесенные пожертвования и после благодарственной молитвы оставляла их на дереве. Брагой же поливала дерево, сопровождая этот акт пожеланием родившей иметь много молока для ребенка. С этой целью молодой матери предлагали съесть и кушанье из смеси вареных зерен *дзærна*.

Во время поклонения Мады Майрам учитывался пол ребенка. Если это была девочка, то основным подношением была вата. При этом семантика подношений оставалась без изменений: девочке желали

легкой, как вата, жизни, богатого потомства, которое символизировали многочисленные ветки святого дерева, а мальчику, помимо всего сказанного, – мужества для борьбы с врагами [11, 146-147].

Мады Майрам и в наше время считается у осетин покровительницей женщин и деторождения, и молятся ей только женщины. Именно поэтому новорожденного младенца любого пола передают под ее покровительство. До недавнего времени существовал обряд инициации – «перевода» мальчика из-под покровительства Мады Майрам под покровительство Уастырджи, проводимый, когда мальчику исполнилось три года.

Помимо Мады Майрам покровителем деторождения является также *Фыры-дзуар* (святилище барана) в Даргавсе. *Фыры-дзуар* молятся, если в семье долгое время не появляются дети. Жители Даргавса рассказывают о многих десятках семей, у которых появились дети после совершения специального жертвоприношения и молитвы в этом святилище.

Таким образом, родильные обряды у осетин были направлены, во-первых, на рождение мальчиков – воинов, работников и продолжателей рода. Именно для этого проводились описанные выше обряды с домашними животными и специальные гадания. Рождение мальчика, особенно первенца, существенно повышало статус невесты в семейной иерархии. Поэтому, снимая фату с невесты, до сих пор ей желают рождения «семерых мальчиков и одной голубоглазой девочки». Родильная обрядность предполагала удачный исход родов, сохранение жизни матери и новорожденного ребенка.

Обе зарисовки Туганова наглядно показывают участие женщин в сакральных практиках. Р. Кулумбеков справедливо утверждает, что оно намного значительнее, чем принято считать: недооценка роли женщины в религиозной жизни общества обусловлена устоявшимися стереотипами, в основе которых лежит представление о том,

что место женщины в этой сфере второстепенно и является всего лишь производным от мужской, главенствующей роли [12, 29].

Таким образом, несмотря на наличие этнографических описаний родильной обрядности осетин, ее полная реконструкция требует привлечения дополнительных источников, в частности визуальных. Их ресурсы позволяют составить представление о малоизвестных в науке и забытых

информантами обрядах, интерпретировать зарисованные детали, сопоставить их с другими источниками и таким образом заполнить имеющиеся лакуны в изучении обрядовой культуры. Особенность художественного творчества Махарбека Туганова, нацеленного на скрупулезную фиксацию современной ему традиционной культуры, существенно повышает достоверность его зарисовок.

-
1. Пчелина Е. Г. Родильные обряды у осетин // Советская этнография. 1937. №4. С. 85-103.
 2. Бесаева Т. З. Обычаи и обряды осетин, связанные с рождением ребенка (кон. XIX – нач. XX вв.) // Сборник трудов Института истории, экономики, языка и литературы. Орджоникидзе, 1976. Т. XXXI. С. 204-215.
 3. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ, 2008.
 4. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
 5. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ, 2012.
 6. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Орджоникидзе, 1987. Кн. 3. С. 149-215.
 7. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1881. Ч. II.
 8. Хетагуров К. Л. Особа. Этнографический очерк. Владикавказ, 1999.
 9. Кулов Б. С. Семья и семейный быт осетин XIX – нач. XX вв. // Научный архив СОИГСИ (НА СОИГСИ). Ф. 4. Оп. I. Д. 93.
 10. Полевой материал автора. 2007 г.
 11. Уарзиати В. С. Обрядовые игры осетин в XIX – начале XX веков (историко-этнографические очерки) // НА СОИГСИ. Фонд плановых работ научных сотрудников. Д. 13. 1983 г.
 12. Кулумбегов Р. П. Женские сакральные практики в аграрных верованиях осетин // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 31 (70). С. 29-41.

Bitiev, Batraz A. – V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS; batik3112@yandex.ru

THE OSSETIAN MATERNITY RITES IN M. TUGANOV'S SKETCHES.

Keywords: visual anthropology, Makharbek Tuganov, ethnographic sketches, graphic drawing, maternity rite.

In the traditions of any people, the rites associated with the birth of a child occupy a special place. High female and especially child mortality rate predetermined the formation of complex maternity rites based on ancient religious beliefs and protective magic among many peoples of the world. The cycle of rites under consideration was substantially discussed and described in the Ossetian studies, with the involvement of field material retaining archaic notions, which was recorded by researchers

of 1950-1960. However, reconstruction of the maternity rite, its in-depth analysis requires the involvement of additional sources. This article aims to consider the maternity rite of the Ossetians using the method of visual anthropology. Visual evidence gives a vivid picture of the traditional aspect of peoples' lives, opening up new ways to understand the past, enriching the way data is analyzed. Photography and filming are usually used as a visual source. We propose to consider the information potential of sketches and graphic drawings as a visual ethnographic source. Sketching as a document, as a fixed text created in reality, is a narrative, which requires interpreting its symbols and characters sublimating the information. The article attempts to study the complex of maternity rites of Ossetia through the prism of ethnographic sketches by Makharbek Safarovich Tuganov – the first professional Ossetian artist, the founder of the realistic direction in the Ossetian fine arts. His sketches of the late 20s – early 30s of 20th century: «Childbirth in the barn» and «The ceremonial entry of the bride with a newborn from the barn to the hædzar» are considered in the context of the rites of the childbirth cycle of the Ossetians. The details recorded by the artist, their correlation with field and written ethnographic sources significantly complement the existing ideas of the maternity rite. Individual features of sketches, which have not been «unveiled» so far, stimulate further scientific search, pose new questions to informants and confirm the possibilities of using of sketch as an ethnographic source.

REFERENCES

1. Pchelina, E. G. *Rodiľnye obryady u osetin* [Birth rites of Ossetians]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1937, no. 4, pp. 85-103.
2. Besaeva, T. Z. *Obychai i obryady osetin, svyazannye s rozhdeniem rebenka (kon. XIX – nach. XX vv.)* [Ossetian customs and rites related to the birth of a child (late 19th – early 20th century)]. *Sbornik trudov Instituta istorii, ekonomiki, yazyka i literatury* [A collection of the works of the Institute of History, Economics, Language and Literature]. Ordzhonikidze, 1976, vol. XXXI, pp. 204-215.
3. Chibirov, L. A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional spiritual culture of Ossetians]. Vladikavkaz, Ir, 2008. 711 p.
4. Magometov, A. K. *Kul'tura i byt osetinskogo naroda* [Culture and life of the Ossetian people]. Ordzhonikidze, Ir, 1968. 568 p.
5. Chibirov, L. A. (ed.) *Osetinskaya etnograficheskaya entsiklopediya* [Ossetian ethnographic encyclopedia]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2012. 688 p.
6. Gatiev, B. *Sueveriya i predrassudki u osetin* [Superstitions and prejudices of Ossetians]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Periodicals of the Caucasus about Ossetia and Ossetians.]. Ordzhonikidze, 1987, book 3, pp. 149-215.
7. Miller, Vs. F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian etudes]. Moscow, 1881, pat II. 302 p.
8. Khetagurov, K. L. *Osoba. Etnograficheskiy ocherk* [Osoba. Ethnographic essay]. Vladikavkaz, 1999. 62 p.
9. Kulov, B. S. *Sem'ya i semeynyy byt osetin XIX – nach. XX vv* [The family and family life of the Ossetians of the 19th – early 20th centuries]. *Nauchnyy arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy (NA SOIGSI)* [Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (SA NOIHSS)]. Fund 4. Inventory I. Case 93.
10. *Polevoy material avtora* [The author's field material]. 2007.
11. Uarziati, V. S. *Obryadovye igry osetin v XIX – nachale XX vekov (istoriko-etnograficheskie ocherki)* [Rite games of Ossetians in 19th – early 20th centuries (historical and ethnographical essays)]. *NA SOIGSI* [SA NOIHSS]. Fund of the plan works of researchers. Case 13. 1983.
12. Kulumbegov, R. P. *Zhenskie sakral'nye praktiki v agrarnykh verovaniyakh osetin* [Female sacral practicing the agrarian beliefs of the Ossetians]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2019, iss. 31 (70), pp. 29-41.